

А. С. Кузнецов

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

**Кузнецов
Александр Сергеевич**

младший научный сотрудник
Института философии и права
УрОРАН

Начиная с 1980-х годов, в политической регионалистике происходит серьезный прорыв в парадипломатических исследованиях, который связан с появлением институционально сплоченных групп ученых, которые досконально стали изучать феномен участия регионов в международных отношениях. Так, например, осенью 2007 года исполнилось ровно 23 года с момента, когда в свет вышел специальный выпуск ведущего западного политологического журнала PUBLIUS (Journal of Federalism), который был полностью посвящён проблеме участия субнациональных единиц в международных отношениях.

Именно этот момент можно считать временем зарождения одной из самых сильных школ по изучению парадипломатии в мире политической науки. До этого момента исследования активности субнациональных единиц на международной арене, безусловно, имели место, но все эти работы, так или иначе связанные с данной проблематикой, находились в русле разных направлений политологических исследований, да и сама тема участия регионов в международных отношениях имела характер некоего “побочного продукта” при анализе проблем сепаратизма, федерализма, дипломатии, транснационализма, политэкономии, суверенитета и т.п.¹ Так представители гарвардской школы международных отношений Роберт Кеохайн и Джозеф Най занимающиеся транснациональной проблематикой в одной из своих первых совместных работ начала 1970-х годов отмечали, что для системы международных отношений присуще повышение тенденции к взаимозависимости, при которой происходит плюрализация международного поля, появление новых инструментов влияния и новых автономных акторов.² Этот тезис о появлении новых акторов в тех же исследованиях посвященных транснационализму был поддержан и развит Розенау, который постулировал идею, что современная система международных отношений отныне не может быть исключительной прерогативой национального государства, поэтому полномочия по широкому кругу вопросов переходят к наднациональным и субнациональным акторам.³

Другими словами, многие политологи и учёные из других областей знаний, уже начиная с конца 60-х годов XX столетия, анализируя широкий спектр политических проблем, отмечали факт усиления тенденции участия субнациональных акторов в международных отношениях, но не выделяли изучение этого феномена в отдельное независимое исследовательское направление.

Таким образом, первым осмысленным шагом по изучению проблемы парадипломатии стал научный дискурс, открытый на страницах осеннего выпуска журнала PUBLIUS в 1984 году. Благодаря этой дискуссии, появилась ведущая научная школа по изучению данного феномена, которая включила в себя канадских и американских исследователей. Именно представители этой школы создали значительную часть теоретико-методологических разработок по вопросам парадипломатии, сделал ее одним из наиболее востребованных направлений в политической регионалистике, разработали новый категориальный аппарат, используемый для описания данного феномена, указали перспективные ориентиры для научных поисков.

Необходимо подчеркнуть несомненную корректность употребления понятия “научная школа” по отношению к работе североамериканских политологов, которые, взяв за точку отсчёта дискуссионную площадку известного научного журнала, продолжили комплексный анализ феномена парадипломатии на страницах специально издаваемых тематических антологий и в выступлениях на специальных научных симпозиумах и конференциях.⁴ Очевидно, что североамериканская школа по изучению проблемы субнационального участия в международных отношениях относится к такой категории научных сообществ, которая не является формальным объединением, не имеет принадлежности к какому-либо одному научному центру или институту и представляет собой, со структурной точки зрения, географически разрозненный, но ментально сплоченный исследовательский коллектив. В качестве ведущих исследователей североамериканской школы можно назвать следующие имена: Ганс Мичелман, Панайотис Солдатос, Джон Кинкайд, Андре Лекур, Иво Духачек, Ирл Фрай и многие другие.

Достаточно часто при анализе той или иной научной школы звучит мнение, что “полноценная” в научном смысле школа — это не просто коллектив учёных, объединённых общим направлением исследовательской деятельности, а сообщество, которое интегрировано вокруг учёного генератора идей, обладающего особыми интеллектуальными и человеческими способностями. Не случайно, многие известные научные школы носят имена их создателей или активных деятелей. Вокруг такого учёного объединяется группа его соратников и учеников, которые разделяют его идеи и теоретические принципы, методологию исследования. Несмотря на то, что североамериканская школа не имеет формальной принадлежности ни к одному университету или академическому институту, в качестве учёного генератора идей выступил руководитель журнала Publius профессор политологии Иво Духачек. Именно он на страницах своего издания одним из первых поднял эту проблему в качестве отдельного исследовательского направления в политологии, именно ему принадлежат первые труды, в которых создавался категориальный аппарат, который сегодня используется при анализе парадипломатической деятельности, именно ему удалось воспитать единомышленников из числа начинающих исследователей.

Таким образом, можно заключить, что группа

североамериканских политологов (“школа Духачека”) отвечает большинству характеристик, которые позволяют исследовательское сообщество называть научной школой. За двадцать с лишним лет работы, а временной фактор является немаловажным, североамериканская школа по изучению проблемы субнациональной вовлечённости в международные отношения получила широкую известность и заработала блестящую репутацию. За этот период в школе сложились научные традиции, которые способствуют процессу преемственности поколений и обеспечивают высокий уровень исследований и их оригинальность.

Несмотря на то, что лидерами и пионерами в парадипломатических исследованиях, безусловно, являются американские и канадские политологи, в Старом Свете, европейские ученые также серьезно обратились к вопросу изучения парадипломатии в середине 1990-х годов. Европейские исследователи Майкл Китинг, Браин Хогинг, Ное Корнаго, Франсиско Альдекоа обращались в своих трудах и до середины 1990-х годов к проблеме участия субнациональных акторов в международных отношениях в рамках своих исследовательских изысканий. Так у Китинга обращение к этой проблеме можно найти в трудах по проблеме развития национализма в европейских государствах, у Корнаго и Альдекоа в их исследованиях новой и новейшей истории Страны Басков и Каталонии. Однако институализация европейской школы парадипломатии как устойчивого научного сообщества происходит только в 1997 году, когда в испанском Бильбао в главном городе Страны Басков был запущен исследовательский проект-семинар, который собрал в одном месте всех политологов, занимающихся проблемой изучения участия субнациональных акторов в международных отношениях. Именно Страна Басков—место, где парадипломатия реализуется на практике в самой интенсивной форме, собрала вместе, главным образом, европейских исследователей, которые через общение и обмен опытом между собой, структурировали свои разработки в этой области в фундаментальном труде под названием “Парадипломатия в действии: Внешние отношения субнациональных правительств” (“Paradiplomacy in action: The foreign relations of subnational governments”). Работа была отпечатана в Лондоне в 1999 году, а за тем неоднократно переиздавалась. В нее вошли статьи политологов, которые посмотрели на проблему участия регионов в международных отношениях больше в ракурсе национализма и теории международных отношений, нежели, чем в контексте федерализма, как это делали представители “школы Духачека”.

Говоря, о различиях между выделенными нами “европейской” и “североамериканской” школами парадипломатических исследований необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, конечно, между “европейцами” и “североамериканцами” лежит вполне естественное различие в географии объектов исследования. Так, если посмотреть работы политологов Нового Света, то большая часть их исследований в той или иной мере обращена к канадской провинции Квебек. Именно взаимоотношение этой провинции с федеральным центром и реальная практика выхода этого региона на международную арену, стали важными катализаторами развития политической науки на этом континенте и в частности значительно повлияли на развитие политической регионалистике и такого её направления как парадипломатические исследования. В случае с Европой,

такого рода главными исследовательскими кейсами для политологов Старого Света, занимающихся парадипломатией, стали испанские регионы: в первую очередь, Страна Басков, Каталония, Галисия. Конечно, политологи обоих континентов не ограничивались изучением парадипломатии только провинции Квебек или испанских регионов, обращаясь в своих исследованиях и к другим канадским провинциям, американским штатам, к швейцарским кантонам и немецким землям. Однако, безусловно, наиболее яркая политическая ситуация сложившаяся во взаимоотношениях Квебека и испанских регионов с их центральными властями, в том числе в вопросе выхода этих субнациональных единиц на международную арену, вызвала особый исследовательский интерес у ученых.

Важно подчеркнуть, что основное различие между школами кроется не в простом различии географии объектов изучения, а на базе парадигмы, которая лежит в основании исследований североамериканских и европейских учёных. В отличие от европейцев, которые скорее изучают участие регионов в международных отношениях через призму эволюции международных отношений, проблем национализма, регионализации и глобализации, американские и канадские исследователи рассматривают парадипломатические процессы в координатах изучения федерализма (federalism studies). В их работах основное ударение делается на анализе влияния парадипломатии в первую очередь на само федеративное государство и федеративное устройство. Не случайно, начало научному дискурсу по вопросу участия субнациональных единиц в международных отношениях было положено на страницах ведущего западного издания по проблемам федерализма Publius (Journal of Federalism). Данное различие не несёт в себе некой априорной научной антагонистичности, а лишь закладывает дополнительные цвета в спектр академических работ, посвящённых тематике парадипломатии.

Кроме того, говоря о различиях между выделяемой нами североамериканской и европейской школами, необходимо отметить тот факт, что, с точки зрения развития теоретического знания о феномене участия регионов в международных отношениях, “школа Духачека” сделала, несомненно, более весомый в концептуальном плане вклад в развитие политической регионалистики как отрасли политической науки. Так, например, именно канадские и американские ученые разработали категориальный аппарат в этом исследовательском поле и ввели в научный оборот само понятие “парадипломатия”. Европейские политологи в целом восприняли эту категориальную базу их североамериканских коллег, в том числе их устроило использование в качестве основного ключевого понятия термина “парадипломатия”, однако, как уже отмечалось выше, они стали рассматривать участие субнациональных акторов в международных отношениях в несколько другой парадигме, обращая в своих исследованиях особое внимание на те моменты, которые у Духачека и его последователей в основном оставались в тени.

Конечно, использование лейбла “североамериканская vs “европейская” для наименования школ, имеет почву для критики. Очевидно, что найдутся европейские политологи, которые работают в парадигме изучения парадипломатии через внутреннюю политику государства, как в Северной Америке, наверняка, можно отыскать специалистов, которые рассматривают данный феномен как составную исследований

регионализма, глобализации и международных отношений. Но ещё раз хочется подчеркнуть, что принадлежность к европейской или североамериканской школам, это не принадлежность географического характера, это принадлежность к тренду, традиции, к особенности научного восприятия феномена.

1. См. в качестве примеров Mansback R., Ferguson Y., Lampert D. The Web of World Politics, N. J. 1976, Dominguez J. Mice That Do Not Roar: Some Aspects of International Politics in the World's Peripheries, // International Organization 25 (Spring 1971) p.175—209, Hechter M., Levi M. The Comparative Analysis of Ethno-regional Movements. // Ethnic and Racial Studies (July 1979) и другие.

2. Keohane R., Nye J. Transnational relations and world politics. Harvard University press, 1972, p. xvi-xxi,
3. Rosenau J. The study of global interdependence: essays on transnationalization of world affairs. London 1980, p. 2
4. В качестве ярких примеров можно привести следующие коллективные труды как: "States and Provinces In the International Economy". Berkley 1993, "The New International Cities Era: The Global Activities of North American Municipal Governments". Brigham 1989 и другие.

Л. М. Андриюхина

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОСТИ В МЕНЕДЖМЕНТ- И БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

**Андриюхина
Людмила Михайловна**

доктор философских наук,
профессор Уральского
Гуманитарного Института

Появление менеджмент – дискурса в современной культуре принято связывать с возникновением научного менеджмента. Само по себе это в полной мере отвечает стойкой интенции модернизма маркировать как существенные и одновременно существующие в культуре и для культуры только те явления, которые приобретают право обладания определенным статусом научности. Однако научность менеджмент - а, также бизнес – дискурса практически сразу же стала обнаруживать и все больше проявлять черты не характерные для эталонной науки. Воспринятый пафос века рациональности, нигде как в менеджменте стал обретать формы жестких императивов, но не столько в эпистемологическом структурировании знания, сколько в социальных конструкциях стандартизированных производственных процессов и в социальном пространстве бюрократических организаций. О классическом менеджменте в целом правильное было наверно говорить как о дискурсе, отлитом в архитектонике форм организационного порядка, производственных ритмов и операций. Но именно в эпистемологическом плане менеджмент – дискурс с самых первых его шагов и на протяжении уже более чем столетнего периода своего существования продолжает удивлять отсутствием очень многих признаков научности. Что это за наука, в которой отсутствуют ... теории, не по названию, а в строгом эталонном смысле? Разве можно говорить серьезно о трудах Ф.Тейлора, А.Файоля и др. как представляющих теорию? В лучшем случае – это некие эмпирические обобщения. В учебниках пишут, например, о теории бюрократии М.Вебера. Но скорее это не теория, а философия бюрократии, и т.д.

В современном менеджмент-дискурсе ситуация со статусом научности еще сложнее. Так называемый научный менеджмент-дискурс, сегодня представляет собою фантазмагорическое

«лоскутное одеяло», соединяющее непостижимым образом лоскуты железа, шелка, тончайшей кисеи и ткани из платья андерсеновского короля, бумаги, дерева, информационных потоков, сетей, харизм, брэндов, экономических моделей и гуманитарных прорывов, денег, нематериальных активов, идей, проектов, мотивов и еще многого, многого другого.

Больших теорий по-прежнему нет. Но именно в менеджменте появляются и циркулируют многообразные эпистемологические кентавры: практические теории, проектные идеи и концепты, объяснительные модели, обозначаемые именами гуру (например, кочующие из учебника в учебник, при этом обрастающие многообразным слоем различных толкований, «сетка Блейка и Моутон», «теория Х и У» Д.Макгрегора, «теория человеческих отношений» Э.Мэйо и т.д.). Миф, метафора нигде как в менеджменте обретают непосредственное практическое значение, наряду с формами рецептурного знания в духе средневековых ремесленников и алхимиков. Кстати само слово «алхимия» весьма успешно используется в названиях достаточно серьезных работ («Алхимия финансов», «Алхимия инноваций» и т.д.).

Миф может быть назван главным героем и одновременно анонимом бизнес и менеджмент коммуникаций. Достаточно беглого, феноменологического анализа текстов и речевых практик в деловой сфере, чтобы обнаружить постоянно и повсюду выявляемые и разоблачаемые мифы. Об этом можно судить по названиям статей и книг, количество которых растет с огромной быстротой: «Мифы креативности», «10 мифов тренинга командообразования», «Мифы о МВА», «Главные мифы менеджмента», «Анализ 28 самых живучих мифов», «Мифы корпоративной стратегии», «Мифы о деловых женщинах», «Мифы мотивации», «Мифы экономики», «Миф о CEO», «Информация для руководителя. 4 мифа и 13 общих замечаний» и т.д.

Структура этих текстов имеет много общего: сначала фиксируются, выявляются некоторые мифы практики менеджмент-коммуникаций, затем они развенчиваются и взамен либо авторы предлагают другие, претендующие на рациональность модели, либо даже не предлагают ничего, ограничиваясь самим фактом фиксации и означивания мифа.

Но все более типичным для бизнес-коммуникаций становится обратный процесс – это активно развивающаяся индустрия мифов. Именно в практике бизнес – и менеджмент – коммуникаций